О.Л.Ярёменко, ***д-р экон. наук***
Национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана
Е.Н.Панкратова, ***аспирант***
Харьковский национальный университет имени В.Н.Каразина

ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Рассматривается роль институтов в формировании и реализации свободы хозяйствующих субъектов. Показано влияние рационального выбора субъекта на развитие социальных ценностей и институционального порядка. Раскрывается место собственности, профессионализма и инноваций в механизмах субъективации хозяйственных институтов.

Свободный выбор является имманентным механизмом рынка как такового. Формирование глобальных рынков и глобальных институтов расширяет поле деятельности хозяйствующих субъектов до планетарного масштаба. Благодаря глобальным информационным технологиям жизненно важная информация стала легко доступной для каждого. Возможности национальных государств контролировать своих граждан ограничиваются влиянием глобальных институтов. Однако ответ на вопрос о том, увеличивается ли при этом свобода хозяйствующих субъектов, далеко не очевиден.

Давление на свободу идет с двух сторон. Во-первых, со стороны нарастающего глобального хаоса, обусловленного слишком быстрыми сдвигами и ростом информационных, технологических, экономических и финансовых возможностей, которые превышают адаптивные возможности человека и общества, не сопровождаясь адекватным формированием правил, регулирующих социально значимые действия в новых условиях. "Вновь образующийся мир движется иными ценностями, чем ценность человека, человеческого лица, чем ценность истины, – ценностями могущества, техники, расы, национальности, государства, класса, коллектива. Воля к правде побеждается волей к могуществу"[1]. Если в условиях локальных катастроф у социума остаются какие-то запасные ходы или резервные мощности, то в условиях глобального сдвига незадействованные резервы становятся мизерными по сравнению с масштабом изменений.

Во-вторых, давление на свободу идёт со стороны усиливающейся тенденции к примитивизации институциональной структуры, когда социум использует первые попавшие под руку инструменты контроля и огра-

[1] *Бердяев Н.* Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // http://www.vehi.net/berdyaev/sudbache/02.html.

© О.Ярёменко, Е.Панкратова, 2007

ничения, чтобы установить хоть какой-то порядок[2]. Глобальный информационный контроль над всем и вся постепенно приобретает всеобщий (тотальный) характер. Следующим логическим шагом может стать шаг от тотального контроля к тоталитарному. В этом случае окажется, что конвергенция двух систем – либеральной рыночной и тоталитарно-социалистической – всё-таки произошла. Язвы и пороки тоталитарной системы не испарились, а перешли по наследству к открытому обществу. Характерно, что Дж.Сорос в своей критике так называемого рыночного фундаментализма солидаризуется с теми, кто считает, что человеческой свободы не должно быть слишком много: "Угроза со стороны laissez-faire представляется мне более значимой, чем угроза со стороны тоталитарных идеологий"[3].

Разумеется, потом всё это можно будет называть подлинной, истинной, или единственно возможной свободой. Однако у поколения теоретиков, которые знакомы с тоталитарной системой не понаслышке, способность различать социальные ярлыки и скрываемое за ними содержание развита пока ещё достаточно хорошо. Свобода, идущая изнутри общества и его субъектов, как выражение внутренней силы, культуры, профессионализма и ответственности – это единственный шанс для нашей цивилизации устоять перед тоталитарными соблазнами постиндустриального развития и "обвальной" глобализации. Проблема субъекта в этих условиях постепенно выдвигается в современной экономической науке на первый план.

Хозяйствующие субъекты представляют собой активное деятельное начало любой экономической системы. Они делают систему дифференцированной, устойчивой, живой, подвижной, адаптивной, восприимчивой к новациям и потому развивающейся. Благодаря наличию хозяйствующих субъектов, свободных в своем выборе и в то же время признающих авторитет общества и государства, осуществляется процесс государственного регулирования экономики в условиях неопределённости. В противном случае проблема государственного регулирования может превратиться в неразрешимую.

Субъектность – относительное измерение. Субъект всегда несёт в себе определённые черты объекта, слепой игрушки чуждых ему сил. Именно поэтому он обречен выбирать: "В мире, с которым мы сталкиваемся в нашем повседневном опыте, мы должны выбирать между одинаково важными целями и одинаково настоятельными требованиями, и, достигая одних целей, мы неизбежно жертвуем другими. Именно поэтому люди придают столь огромную ценность свободе выбора: будь они уверены, что на земле достижимо некоторое совершенное состояние, когда цели людей не будут противоречить друг другу, то для них исчезла бы

[2] См. напр.: *Карни Т.* Большой бизнес и "большое государство" // http://www.polit.ru/research/2006/10/02/carney.html.
[3] Цит. по: *Райзман Дж.* Угрожает ли laissez-faire свободе? Ответ Джорджу Соросу // http://www.libertarium.ru/libertarium/163348.

необходимость мучительного выбора, а вместе с ней и кардинальная важность свободы выбора"[4].

Генезис и развитие хозяйствующих субъектов обычно не является предметом теоретических моделей в экономической науке. Исследование максимизации функции полезности в процессе рационального выбора вполне можно вести и без решения вопросов, *кто* выбирает, *почему* выбирает и почему он *должен* выбирать. "...субъект деятельности не то чтобы отрицается – он в большинстве случаев просто игнорируется в рамках неоклассической парадигмы"[5].

Однако представители институционального направления неоднократно отмечали, что не учитывать процесс выбора можно только до поры до времени. Если есть альтернатива свободному выбору или отсутствуют его предпосылки, то возникает принципиально иная хозяйственная система, где субъектное начало вторично и необязательно. Такие системы тоже существуют, хотя неоклассическая школа пытается их игнорировать[6].

Одним из первых в экономической науке на эту проблему применительно к трансформационной экономике обратил внимание российский учёный Р.Нуреев. Обозначив переходную экономику как "экономику физических лиц", он показал, что именно дефицит субъектности делает хозяйственную систему не только неэффективной, но и угасающей[7]. Г.Клейнер выделил целый ряд социально-институциональных функций субъектов экономики, без исполнения которых хозяйственная система не способна к функционированию и развитию[8]. В такой ситуации рациональный выбор становится вторичным по отношению к формированию субъекта выбора. Процесс этот, безусловно, нуждается в теоретическом анализе.

Формирование и развитие хозяйствующих субъектов в существующих теоретических моделях экономики обычно выступает в качестве готовой предпосылки. Проблема субъекта сама по себе традиционно считается не экономической, а, скорее, философской или социологической. Современная социология особое внимание уделяет попыткам понять, как индивид может одновременно и реализовывать свои ценности, и быть участником широкой конвенциальной системы, к числу которых можно отнести и рынок в широком смысле слова: "В зависимости от ситуаций координация осуществляется как за счёт возложения на себя индивидуальных проектов, рассматриваемых в плане ценностной ориентации каждого индивида, так и за счёт овладения навыками, обеспечивающими привычную лёгкость в повседневной жизни, или поиска какого-либо об-

[4] *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. – М., 1998.
[5] *Бузгалин А., Колганов А.* Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. – 2006. – № 3. – С. 126.
[6] См.: *Хайлброннер Р.* Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. – 1993. – Осень. – Т. 1. – Вып. 1.
[7] См.: *Нуреев Р.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // http://ie.boom.ru/Nureev/article/article.htm.
[8] См.: *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем. – М., 2004. – С. 103–105.

щественного блага, требующего людей, которые обладают соответствующей квалификацией"[9].

Для экономиста-неоклассика если есть хозяйственная деятельность, то, естественно, есть и субъект, который её осуществляет. Субъект есть нечто всегда и везде самому себе равное. Считается, что поскольку исчерпывающим обнаружением активного субъектного начала в хозяйственных системах выступает *деятельность*, постольку вполне достаточно для понимания природы субъекта анализировать и моделировать формы и закономерности этой деятельности[10]. Образно этот подход можно выразить так: *субъект есть то, что он делает*.

Однако, по крайней мере, в одном случае такое понимание роли субъекта является недостаточным: когда экономика скачком переходит от одних институциональных координат к другим. Речь идёт о трансформации системы государственного социализма в рыночную экономику. Оказывается, что наличие субъекта вовсе не является готовой предпосылкой функционирования хозяйственной системы[11]. Этого субъекта нужно ещё создать.

Понимание свободы индивида как отсутствия общественных связей исключает саму возможность рассмотрения институциональной компоненты и основы хозяйственной свободы. Однако вся практика хозяйственного развития показывает, что именно дефицит социальности как сложной ткани социальных зависимостей и взаимодействий делает невозможным саморегулируемый рынок как таковой. Становление свободы хозяйствующего субъекта обязательно проходит в институциональных координатах как их усвоение[12].

Модные сегодня этический релятивизм, "толерантность", с одной стороны, и реальная свобода – с другой, – далеко не тождественные вещи. Идею о позитивной роли чёткого институционального порядка для раскрытия и реализации сущности человека высказал И.Берлин: "Честность, любовь к истине и пламенный индивидуализм процветают в сообществах со строгой и военной дисциплиной, как например, в общинах пуритан-кальвинистов в Шотландии и Новой Англии, уж во всяком случае, не менее часто, чем в более терпимых и нейтральных обществах"[13]. Именно "институциональные факторы свободы индивида"[14] должны стать направлением и критерием институционального строительства в условиях трансформационных процессов.

---

[9] *Тевено Л.* Наука вместе жить в этом мире // http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011020.

[10] См.: *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // НП "Журнал "Вопросы экономики". – М., 2004. – С. 113–115; *Бреннан Дж., Бьюкенен Дж.* Причина правил. Конституционная политическая экономия. – СПб., 2005. – С. 58; *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск, 2005. – С. 122.

[11] См.: *Клейнер Г.Б.* Эволюция институциональных систем; *Нуреев Р.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность.

[12] *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М., 1992. – С. 29.

[13] *Берлин И.* Две концепции свободы // Современный либерализм. – М., 1998. – С. 19–43.

[14] *Гирц К.* Идеология как культурная система // http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/3.html.

Институциональная школа смогла включить несовершенство отношений обмена в число исследуемых существенных фактов экономической реальности. Однако в науке, как и в экономике, за всё приходится платить. Расширение предмета, вызванное потребностями объяснения всё более усложняющихся явлений хозяйственной жизни потребовало от науки определённых жертв. Одной из таких методологических жертв стал субъектный принцип построения концептуальных оснований экономической теории. Формально в институционализме субъект учитывается, но не как свободный, а как исполняющий предписания, маневрирующий между различными институциональными конструкциями, как *агент*.

Тенденция к десубъективации хозяйственной реальности достаточно наглядно проявляется в неоинституциональной концепции прав собственности. "Пучки правомочий, относящиеся к различным ресурсам, определяют последствия, которые придётся нести собственнику за принимаемые им решения. Таким образом они влияют на выбор и характер использования ресурсов"[15]. В рамках такого понимания собственности правомочия закрепляются за ресурсом, а не за субъектом. Поэтому субъект есть нечто вторичное и, возможно, необязательное.

А вот агент как исполнитель прав, вменяемых ресурсу, действительно в таком понимании необходим: "продавец *вынужден*", "домовладелец лишён возможности запретить строить бензоколонку" и т. д. Правомочия *ресурса* определяют ответственность, которую несёт собственник за принимаемые решения. Как мы видим, картина экономической реальности, моделируемая этой концепцией, изначально *бессубъектна*. Участники хозяйственной системы – это, прежде всего, *объекты* институционального принуждения. При этом забывается, экономика без субъектов – это экономика без ответственности. Но если никто ни за что не отвечает, значит, никто не может никому доверять.

Однако в действительности хозяйственные системы всегда включают такой элемент, как свободный субъект, который принимает решения и действует на свой страх и риск и который вынужден *доверять* другим субъектам. Сам факт наличия доверия говорит о наличии свободы выбора[16]. Системный смысл "субъектного принципа" построения экономики заключается в более высокой способности к адаптации и саморазвитию (гетерогенному усложнению): "Никакая рационализация немыслима без участия *рационализирующего агента.* Система не просто готова признать суверенность своих участников — она остро в этом нуждается"[17].

Системы, построенные на субъектном механизме, способны допускать в себя более высокий уровень неопределённости, не разрушающий их как целостность. Благодаря субъектному механизму функционирования системы она имеет возможность декомпозиции генеральной неопреде-

[15] *Капелюшников Р.* Право собственности (Очерк современной теории) // http://www.strana-oz.ru/.
[16] См.: *Гриценко А.А.* Особливості інституційної архітектоніки українського суспільства XXI століття // Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку. – К., 2003.
[17] *Кустарев А.* Государственный суверенитет в условиях глобализации // http://www.polit.ru/research/2006/10/30/kustarev.html.

лённости в совокупность частных неопределённостей, вменяемых отдельным субъектам[18].

В этом случае сумма частных неопределённостей может оказаться меньше исходной величины, то есть происходит процесс с отрицательной синергией. Проявляется это в распределении неопределённостей во времени: время существования субъектов меньше времени существования системы в целом. В этом есть своя определённость – субъект *обязательно* погибнет. Гибель отдельного субъекта является законом жизни системы. Институциональные основы жизнедеятельности субъектов не просто включают в себя механизм самоуничтожения, они его и допускают и предполагают. Проявляется это как неполнота и несовершенство институтов. "Идеальный" институциональный механизм и должен быть таковым.

С другой стороны, система сначала должна создать субъекты через снятие своей неопределённости путём структурирования и институционализации активности. Система отчуждает от себя свою сущность, делясь ею со своим иным – субъектом. Субъект – это элемент системы, изначально не обладающий по отношению к ней целостностью и полнотой. Поиск этого, движение к этому – активность субъекта, его целесообразная деятельность, в которой он восстанавливает утраченную целостность с системой и обретает внутреннюю полноту.

Субъект меньше системы, *всеобщего*, то есть он обладает не всеми жизненно важными качествами, а только их частью. Выражение "это слишком субъективно" отражает изначальную субстанциональную неполноценность субъекта, которую он вынужден преодолевать путём деятельности, путём отношений с другими субъектами и системой в целом. В экономике впервые в последовательной форме целостной концепции эту неполноту специализированного субъекта разделения труда выразил А.Смит[19].

Хотя субъект и не обладает системной полнотой, он должен обязательно наделяться какой-то неуничтожимой частью системного качества. Этот компонент внутренней структуры субъекта можно определить как *ценности*. Именно ценности делают индивида носителем социального начала[20]. Ценности выступают как глубинный механизм вовлечения субъектов в социальную организацию, координации их поведения. *Оценивание* как конкретная реализация ценностной парадигмы субъекта выступает практической основой рационального рыночного поведения.

Ценностные основания активности хозяйствующих субъектов проявляют себя, во-первых, в самом факте существования *института оценивания*; во-вторых, в соизмерении и эквивалентности как всеобщей социальной связи; в-третьих, в выборе конкретной модели обоснования хозяй-

[18] *Пригожин И*. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – М., 2002.
[19] *Смит А*. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 94.
[20] См.: *Артёмова Т.И*. Стоимость и цена: логико-исторический процесс формообразования. – К., 2006; *Сорос Дж*. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. – М., 2001; *Тевено Л.* Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М., 2004. – С. 281–285.

ственных решений; в-четвертых, в построении системы контроля, полномочий и ответственности внутри фирмы; в-пятых, в моделях координации своего поведения с другими хозяйствующими субъектами; в-шестых, в выборе правил, форм и методов конфликтного поведения на рынке и внутри фирмы; в-седьмых, в способах и масштабах ответственности по своим внешним и внутренним обязательствам[21].

Свобода субъекта выступает как практическое полагание ценностей, как его соответствие сущности. "Какой же должна быть тогда минимальная свобода? Это та свобода, от которой человек не может отказаться, не идя против существа своей человеческой природы"[22]. По-другому эту мысль высказывает М.Грановеттер: "Люди крайне чувствительны к мнению окружающих и в силу этого подчиняются диктату согласованных систем норм и ценностей, интернализируемых в процессе социализации, в результате которой послушание уже не почитается за бремя"[23].

Во французской школе экономической социологии было обращено внимание на исключительную роль ценностей в формировании конвенциальных способов координации хозяйствующих субъектов. По мнению Л.Тевено, ценности позволяют установить практическое единство между представлениями о всеобщем благе и индивидуальными потребностями и интересами[24]. Именно они лежат в основе "фундаментальных режимов вовлеченности".

В то же время для позиции Л.Тевено свойственно понимание характера связи субъекта с окружающей средой как "прикреплённости" (attachment), то есть как чего-то такого, что лишает субъект свободы выбора: "Порядки обоснования ценности суть моральные и политические артефакты, в основе которых лежат сомнения в справедливости власти по отношению к систематической связи между людьми и вещами. Однако с точки зрения справедливости эти сомнения подготовлены обобщением некоторых способов вовлеченности людей в их "оснащенную среду"[25].

Таким образом, по логике Л.Тевено, субъект не может быть свободен, поскольку он подчиняет свои действия ценностям, которые формируются независимо от него. Здесь не учитывается, что субъект и его ценности изначально тождественны. Иначе говоря, существенным для понимания природы хозяйствующих субъектов является фактор "укоренённости акторов в социальном контексте" (Грановеттер). Субъект, лишённый ценностей или их не разделяющий, не может рассматриваться как субъект данной системы в собственном смысле слова. Его свобода принимает форму произвола, уклонения или деградации.

Один из немногих случаев, когда субъект может сравняться с системой полнотой своих качеств – это ситуация инициативных изменений.

---

[21] *Флигстин Н.* Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М., 2004. – С. 189, 190, 198.
[22] *Берлин И.* Две концепции свободы.
[23] *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология. – С. 133.
[24] *Тевено Л.* Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований. – С. 281–289.
[25] Там же.

Субъект, целесообразно изменяющий систему, наделяет её главным (на тот момент) качеством, которое и делает её таковой. Именно в способности меняться проявляется живая динамичная целостность системы, обоснованность её иерархического построения. Иначе изменение будет гибелью, распадом системы[26]. Вот почему удачливые новаторы пользуются "особым расположением" системы, системными преференциями (например, в виде правовой защиты их исключительных прав). Однако диалектика взаимоперехода системного (всеобщего) в субъективное (субъектное) в процессе изменений сложна. Инновация лишь повышает вероятность перехода в разряд лидеров, но отнюдь не даёт гарантии такого перехода.

Таким образом, изменения, способность к изменениям, потребность в изменениях – это атрибут субъектов, которым они наделены в разной степени. Если субъект наделён этими атрибутами относительно в большей степени, то он становится активным носителем инновационного начала, новатором. Для системы наличие таких новаторов – наиболее удобный способ обеспечить необходимый уровень стабильности и изменений, то есть жизни системы как развертывания её сущности.

С точки зрения такого методологического подхода собственность есть субъективная тотальность. Всеобщее приходит к свободному субъекту как собственнику через механизмы внешней необходимости, обязанности, подчинения, зависимости, которые представляют ему это ему всеобщее в наличной практической форме. В этом случае деятельность субъекта представляет из себя равнодействующую двух векторов: [собственник, воля, свобода, инновация] + [государство, обязанность, необходимость, принуждение, подчинение, зависимость]. Сложность для анализа заключается в том, что существенные факторы первой и второй группы взаимно обусловливают друг друга

Сама возможность выбирать – это условие, но не гарантия успеха. Л.Мизес говорит: "Человек свободен в том смысле, что он должен каждый день заново делать выбор между политикой, которая ведёт к успеху, и политикой, которая ведёт к катастрофе, распаду общества и варварству"[27].

По-другому эту мысль высказывают известные российские экономисты Л.Евстигнеева и Р.Евстигнеев: "Чтобы иметь право считать экономику свободной, нужно иметь свободу по отношению к рациональному"[28]. Однако при этом свобода по отношению к рациональному компенсируется не несвободой человека в системе внешних условий его существования, а включением рационального в систему ценностных оснований человеческого бытия в качестве одного из обязательных компонентов. Реальность не укладывается в рамки рациональности, но в то же время мистическим образом к ней тяготеет[29]. Рациональность – это способ преодоле-

[26] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М., 1990. – С. 361.
[27] *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – Челябинск, 2005. – С. 183.
[28] *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономический рост: либеральная альтернатива. – М., 2005. – С. 414.
[29] Там же. – С. 417.

ния ограничений одного уровня для выхода на новый, более высокий уровень свободы.

В неоклассической модели рационального выбора человек *обязан* следовать предписаниям максимизирующего поведения. Кто-то должен продавать и покупать, потреблять и производить, однако субъект этих действий сам по себе выведен за скобки. Что такое субъект, имеет ли какое-то отношением к экономике его природа, генезис, развитие – и неоклассика, и кейнсианство это не рассматривают. По сути дела, все эти вещи в ходе исторического развития экономической науки, по выражению Гегеля, ушли в основу (zu Grunde gehen), и наука достаточно успешно строит свои модели на принципе "при прочих равных условиях".

Институционализм радикальным образом попытался избавиться от этого недостатка, показав, что свободный выбор изначально не есть безусловным. Продавец и покупатель являются институциональными агентами, исполняющими предписания и запреты институтов, в узких рамках которых и происходит рациональный выбор. "Институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Таким образом, институты ограничивают и определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам согласно неоклассической теории"[30].

Тем самым чем более институционализирована экономика, тем более узким является "спектр альтернатив", менее рациональным выбор. Получаем пессимистический вывод: человек платит за институциональный порядок своей свободой, рациональностью и эффективностью: "Всякий раз, когда рассматривается свобода некоего актора или акторов, имеется в виду свобода от какого-то ограничения, запрета, постороннего вмешательства или препятствия на пути осуществления или неосуществления чего-то либо становления или нестановления кем-то"[31].

Однако практика хозяйственной эволюции говорит об обратном: "институционально насыщенная" современная рыночная система является эффективной, адаптивной, инновационной и в то же время более свободной, чем любая из альтернативных систем (например, командная экономика, традиционное общество и т. д.)[32]. На наш взгляд, понять этот парадокс порядка и свободы можно на пути анализа диалектики субъекта и институтов.

Давление сложной и динамичной внешней среды в условиях регенерации ценностной составляющей выдвигает на первый план процесс *обучения* в широком смысле этого слова, как институциональный процесс. Именно обучение новым приёмам и методам хозяйственной деятельности приводит к модификации и ограничению такого феномена рыночной системы, как *оппортунистическое поведение*, приобретающее в

[30] *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. – 1993. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 73.
[31] *Маккаллум Дж.* Отрицательная и положительная свобода // http://www.nz-nline.ru/print.phtml?aid=5000162>.
[32] См.: *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М., 1992. – С. 29; *Яременко О.Л.* Переходные процессы в экономике Украины: институциональный аспект. – Харьков, 1997. – С. 79.

условиях рыночной трансформацию дуалистическую форму: *экстерналий* и *интерналий*. Экстерналии направлены на обман рыночных контрагентов, а интерналии – на неисполнение внутренних норм, требований и обязательств. Изменение соотношения между ними – один из параметров, по которым можно судить о направленности и темпах институциональных изменений хозяйствующих субъектов.

На первых этапах рыночной трансформации преобладают оппортунистические интерналии (массовые хищения сверху донизу, грубые нарушения технологической дисциплины, невыплата заработной платы, уклонение от любых обязательств и т. д.). Экстерналии существуют, однако, их относительная роль не такая значительная, как в стабильной рыночной системе.

Вместе с ростом профессионализма и укоренением современных систем менеджмента оппортунистические интерналии снижаются. По мере укоренения рыночных принципов и жёстких бюджетных ограничений происходит эволюция форм оппортунистического поведения в сторону преобладающей роли оппортунистических экстерналий. Соответственно актуализируется роль институтов, призванных минимизировать негативное воздействие оппортунистического поведения на макроэкономическую систему. В частности, это институты гражданского и контрактного права, судебная система, нормы и стандарты корпоративной ответственности.

Что же касается принципиальной роли фактора коварства в формировании трансакционных издержек, то здесь достаточно вспомнить русскую пословицу: "Услужливый дурак опаснее врага". Нековарный контрагент может нанести непредумышленный ущерб, превышающий последствия осознанного коварства.

Реально существующая рациональность и есть полная рациональность с той точки зрения, что реальный механизм распределения и использования ресурсов всегда включает в себя и над-рациональные элементы, обусловленные исторической динамикой, прогрессом либо эрозией любой институциональной и технологической структуры экономики. Эти элементы хозяйственного механизма вполне способны принимать форму нерациональных, излишних, неэффективных, будучи в то же время функционально необходимыми. Это не означает, что модель рационального выбора является ошибочной или бесполезной для понимания экономической природы хозяйствующих субъектов. Речь идёт о том, что степень охвата экономической реальности данной моделью составляет существенно меньше 100%. Если сказать более конкретно, то субъект свободен не только тогда, когда он осуществляет рациональный выбор.

Институциональный смысл рационального выбора заключается в том, что он представляет собой инструмент вменения субъекту ответственности, а, значит, и свободы. В этом заключается *фундаментальная социальная функция рационального выбора.* Поэтому мы можем представить рациональный выбор субъекта как своеобразное упражнение в свободе. Исполнение институциональных предписаний – это тоже позитивная свобода субъекта, то есть свобода, позволяющая ему реализовывать и развивать свою социальную сущность, преодолевая отчуждение.

Глубоко понимал внутреннюю связь человеческой свободы и институционального порядка Дж.Р.Коммонс: "Если мы постараемся найти универсальные обстоятельства, единые для любого поведения, известного как институциональное, мы можем определить “институт" как коллективные действия по контролю, либерализации и расширению индивидуального действия. Понятие коллективного действия широко варьируется от неорганизованного обычая или традиции до множества организованных текущих отношений, таких как семья, корпорация, торговая ассоциация, профсоюз, система резервов, государство. Общим принципом для всех этих понятий выступает большее или меньшее количество контроля, либерализации и расширения индивидуальных поступков коллективными действиями"[33].

Именно подчинение правилам, которые соответствуют внутренним ценностям, снимает отчуждение субъекта от этих правил, от системы институтов в целом. Однако полностью отчуждение субъекта не может быть преодолено ни в какой социальной системе.

Феномен отчуждения является одним из решающих моментов генезиса и развития субъектного начала в экономике. Существуют естественно-природные и социально-экономические предпосылки отчуждения как *несоответствия сущности.* Для экономики актуальный источник отчуждения – социально-экономическая неопределённость, вызванная технологическими изменениями, экзогенными инновациями. Чем больше знает и может человечество в целом, тем меньше знает и может отдельный субъект. Прогресс – это источник неопределённости, угроз и отчуждения.

Огромным деструктивным потенциалом обладают массовые институциональные новации, включая прогрессивные. Р.Нуреев даёт такую характеристику трансформационной социально-психологической и институциональной деструкции: "В условиях трансформационного спада сужение экономических свобод оказало более сильное действие, чем расширение свобод социальных и политических. К тому же многие понимают свободу односторонне – как приобретение новых прав и благ без потери старых возможностей и гарантий. Большинство населения не видит глубокой взаимосвязи понятий "свобода – самостоятельность – ответственность". Хотят свободы, но без ответственности и самостоятельности, со всеми вытекающими из них последствиями"[34].

Говоря другими словами, быть свободным – это обязанность человека перед своей сущностью, которая требует от него активных осмысленных действий. Никто не может и не должен решать за субъекта, что для него полезно, а что – нет. Субъект преодолевает отчуждение, полагая себя в деятельности, в рыночной активности. Именно целесообразная деятельность снимает отчуждение: "Деятельность человека – суть его природы и существования, средство сохранения жизни и возвышения над уровнем

[33] *Коммонс Дж.Р.* Институциональная экономика // http://www.institutional.boom.ru/history_metod/Commons.htm.
[34] *Нуреев Р.* Социальные субъекты постсоветской России: история и современность.

развития животных и растений"[35]. Хозяйствующие субъекты могут различаться по уровню активности. Но в любом случае снижение уровня активности обязательно фиксирует и усиливает отчуждение субъекта от меняющихся, усложняющихся и развивающихся всеобщих условий.

К числу источников развития всеобщих производительных сил следует отнести и институты. Следуя институциональным предписаниям, люди обмениваются генетической информацией, которая заключена в нормах, традициях, запретах. Это снимает отчуждение от прошлого хозяйственного опыта, снижает конфликты и издержки текущего взаимодействия. Тем самым институты выступают инструментом, посредством которого потенциальные знания и технологии извлекаются из природного дремлющего бытия и включаются в активное использование.

Особо актуальным источником отчуждения субъектов в современных условиях является *глобализация*[36]. Как отмечают специалисты, глобальное отчуждение не может сниматься иначе как через участие субъектов в глобальной конкуренции и глобальных институтах, которые ещё только формируются[37].

Глобальные процессы порождают сильный внешний фактор развития хозяйствующих субъектов, который не всегда подконтролен внутренним регулятивным органам национальной экономики. Итальянский учёный Симона Беретта подчеркивает, что для одних тенденция к глобализации означает стирание различий и нивелирование, утрату идентичности и даже, до какой-то степени, реальной политической и экономической самостоятельности; для других – новые пространства свободы, прежде всего, свободы экономического предпринимательства[38]. Хотя каждый успешный социум склонен приписывать свои достижения исключительной трудоспособности, честности, интеллекту и т. д., нельзя игнорировать роль случайности в отборе наиболее эффективных национальных моделей технологического и социального развития.

Следующим по порядку (но не по значению) источником субъектного начала в экономике служит *отношение к риску и неопределённости*. "Неопределённость будущего уже подразумевается самим понятием деятельности. То, что человек действует, и то, что будущее неопределённо, ни в коем случае не являются двумя независимыми проблемами"[39].

Неопределённость для хозяйствующего субъекта можно трактовать двояко. Во-первых, это нехватка информации о будущем или настоящем, которую можно восполнить, но не в условиях данной институциональной

---

[35] *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – С. 21.

[36] См. напр.: *Шимаи М.* Глобализация как источник конкуренции, конфликтов и возможностей // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 1. – С. 52–58; *Стігліц Дж.* Глобалізація та її тягар. – К., 2003.

[37] См.: *Геец В.М.* Уроки и перспективы рыночных реформ и долгосрочного экономического роста в Украине // Экономическая теория. – 2004. – № 2. – С. 3–25; *Sachs J.D., Larrain F.B.* Macroeconomics in the Global Economy / J.D.Sachs, F.B.Larrain. – Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice Hall International, Inc., 1993.

[38] *Беретта С.* Экономическая глобализация // http://www.agnuz.info/reading_room/beretta/content.htm.

[39] *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. – С. 101.

структуры. Во-вторых, это неустранимая неопределённость, связанная с тем, что субъекту противостоит множество других свободных субъектов, которые действуют исходя из собственных соображений и интересов[40].

Профессионализм и компетентность позволяют превратить неопределённость в оцениваемый и частично хеджируемый риск как неотъемлемый элемент свободы субъекта. Профессионал способен и хочет *отвечать* за исполняемые функции, потому что он хочет быть свободным. Профессионализм имеет высокий общественный статус постольку, поскольку в обществе имеет место непрофессионализм как склонность (или неизбежность) уклонения от ответственности. Это, в свою очередь, порождает явление профессионального менеджмента, или наёмного управления. Поиск риска, склонность и способность работать в условиях нестрахуемого (Ф.Найт) риска порождает *предпринимателя*. Описанный Й.Шумпетером феномен предпринимателя имеет в своей основе инновации как высший уровень присвоения всеобщего богатства через его создание и развитие.

Профессиональные методы, знания, навыки представляют собой открытую развивающуюся систему. Профессии как особого рода деятельности присущи такие отличительные черты, как компетентность, ответственность и корпоративность[41]. Быть профессионалом – это значит всё время учиться. В условиях инновационного развития быстрыми темпами происходит обесценивание значительной части профессиональных навыков и методов. В то же время утрата или дефицит *профессионализма* приводит к росту неопределённости и риска хозяйственной деятельности, что может быть компенсировано лишь упрощением среды и сокращением сферы активности, то есть деградацией субъекта.

Институциональное развитие может трактоваться как включение субъектом институциональных ограничений в своё основание. Для того чтобы усвоение институциональных норм было развитием, субъект должен *интегрироваться* в институциональную систему, то есть использовать институты в процессе максимизации полезности. Процесс институционального развития субъектов[42] последовательно включает такие внутренние моменты:

– усвоение институциональных норм;

– исполнение институциональных норм;

– использование институциональных норм.

Таким образом, есть три уровня отношений субъекта с институтами – контакт (столкновение); включение в систему; интеграция в систему. Только интеграция даёт возможность свободы внутри институтов, то есть использования. Четвертый уровень институциональной активности субъ-

[40] См.: *Автономов В.С*. Модель человека в экономической науке. – СПб, 1998. – С. 169.

[41] См.: *Хантингтон С*. Офицерская служба как профессия // http://www.strana-oz.ru/?numid=9&article=70.

[42] См.: *Тарасевич В.Н.* Институциональная эволюция: от инстинктов к протоинститутам // Экономическая теория. – 2005. – № 1. – С. 53; *Клейнер Г.Б*. Эволюция институциональных систем. – С. 192; *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учеб. пособие. – М., 2000. – С. 112.

екта – выход в над-институциональное пространство, то есть инновация. Здесь дефицит правил компенсируется правом сильного (ловкого, умного), которое затем фиксируется в виде институциональных норм.

Мы можем сделать вывод, что существуют три исходных пункта нституционального развития хозяйствующих субъектов:

– собственность;

– профессионализм;

– инновации.

Эти три исходных пункта при дальнейшем развитии пересекаются, переплетаются, взаимодействуют. Возникнув из любой точки социального пространства, институционально развитый субъект обязательно должен пройти и через две другие. Собственность как целеполагание порождает потребность в *профессиональном* менеджменте. Высокий профессиональный статус даёт право на *собственность* путём оплаты акциями или паями. Инновации позволяют формировать нормы, стандарты, которые оформляются через патентные механизмы *в право собственности* на изобретение.

Активность (деятельность) – условие сохранения собственности, профессионализма и инновационного статуса. Прекращение деятельности приводит к угасанию субъектного начала, к утрате свободы и безопасности[43]. Закон сохранения и воспроизводства идентичности как главный принцип существования субъекта придаёт рациональному выбору более широкий смысл, где максимизация полезности – лишь частный случай.

Любой хозяйствующий субъект должен быть приспособлен к условиям среды, в которой он функционирует. В процессе его развития уровень приспособления повышается под влиянием отбора наиболее эффективных практик, помогающих достигать динамического равновесия со средой. Существуют два типа приспособления субъекта к условиям среды. Первый тип связан с изменениями структуры и функций субъекта; второй опирается на изменения поведения без изменений структуры субъекта[44].

В любом случае масштабы и эффективность приспособления зависят от внутреннего устройства субъекта, его адекватной сложности. Гетерогенность внутренних устойчивых основ жизнедеятельности субъекта позволяет включать всякий раз те реакции и механизмы, которые в наибольшей степени отвечают характеру внешних воздействий. Этим обеспечивается адекватная вариабельность поведения при сохранении качественной определённости субъекта. Если характер реакции субъекта соответствует внутренней структуре ситуации, то возникает принципиальная возможность обеспечить динамическое равновесие субъекта со средой.

В то же время внешняя среда хозяйствующих субъектов не является нейтральной. Она поставляет ресурсы, необходимые для жизнедеятель-

---

[43] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. – М., 1991. – С. 216.

[44] См.: *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – М., 1982. – С. 72.

ности субъекта; она – источник информации, в том числе "конвенциальных способов координации" (термин, предложенный Л.Тевено[45]); она – источник опасностей и угроз, включая конкурентное давление.

Опыт функционирования хозяйствующих субъектов объективируется в системе институтов, которые детерминируют устоявшиеся, привычные способы хозяйственного поведения: "Структура превалирующих правил способствует формированию привычек и предпочтений, согласующихся с репродуцированием этой структуры. Воспроизводя единообразные привычки мышления, институты формируют механизмы приспособления и нормативного согласия"[46].

Создание хозяйствующего субъекта начинается с фиксации и воспроизведения уже существующей институциональной матрицы. Эта матрица включает в себя формальные и неформальные рамки и институты, которым должны соответствовать масштабы и характер хозяйственной деятельности субъекта. Создание хозяйствующего субъекта в определённом аспекте может рассматриваться как превращение "внешнего во внутреннее"[47]. Хозяйствующий субъект и среда, в которой он действует, соответствуют (но не тождественны) друг другу, сохраняя свою особую природу. Их взаимодействие и взаимозависимость представляют собой, по сути, процесс несимметричного обмена, в котором ведущей стороной выступают институты и структуры[48].

Важную роль в этом процессе играет субъективация институтов в форме этических, профессиональных и коропоративных ценностей учредителей и участников хозяйствующего субъекта. Эти ценности затем воплощаются во внутреннем институциональном устройстве, а также в обязательных стандартах отношений с государственной вертикалью (государственная регистрация, налоги, отчётность). Все это нематериальные активы хозяйствующего субъекта, формирование которых требует значительных и безвозвратных издержек, которые при ликвидации субъекта не могут быть возмещены учредителям. Отрицательный денежный поток на стадии создания хозяйствующего субъекта должен обязательно включать ещё и эти издержки.

Все отмеченные выше характеристики связи институтов и свободы хозяйствующего субъекта имеют конкретное экономическое воплощение:

– подготовка и принятие хозяйственных решений как *выбор;*

– издержки как выражение внутренних границ экономической *свободы;*

– доходы как акт признания частного и обособленного *всеобщим;*

– налоги как *разделение свободы и ответственности* между субъектом и государством;

– цена как выражение практической и повседневно доступной всеобщей *ценности* свободной деятельности хозяйствующего субъекта;

---

[45] См.: *Тевено Л.* Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований. – С. 281–285.
[46] *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. – М., 2003. – С. 13.
[47] *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. – Т. 1. – С. 148.
[48] *Ходжсон Д.* Экономическая теория и институты. – С. 13.

– инвестиции как власть субъекта над будущим, как практическое *единство сегодняшней и будущей свободы;*

– кредит как *доверие к свободе других хозяйствующих субъектов;*

– риск как институционализированная *неопределённость свободной деятельности* хозяйствующих субъектов;

– капитал как свобода организовывать деятельность *не-субъектов;*

– активы как материальное пространство и инструмент хозяйственной свободы.

Носителем всей совокупности внутренних моментов хозяйственной свободы выступает *собственность как практическая основа капитала и активов*. Субъект получает доступ в хозяйственную систему через статус, например, потребителя, домохозяйства, фирмы, корпорации, продавца, покупателя, посредника, предпринимателя.

Таким образом, экономика способна к функционированию и развитию только в том случае, если составной частью её механизма являются хозяйствующие субъекты, действующие в соответствии с собственным рациональным выбором и исполняющие предписания экономических и социальных институтов. Будучи обособленными участниками институциональной системы, хозяйствующие субъекты могут изменять свои позиции в ней или же инициировать институциональные инновации. Способность к действиям такого рода может усиливаться или ослабляться в зависимости от различных обстоятельств. Обогащение этих способностей можно трактовать как институциональное развитие субъектов. С этой точки зрения экономическая свобода хозяйствующего субъекта является естественноисторически сложившимся способом реализации ценностей человека, опосредующего свою социальную связь путём профессионально организованной рыночной деятельности.

Переход к иннновационно-инвестиционной модели роста требует ответственного субъекта, способного к долгосрочному рациональному хозяйственному поведению на основе использования части дохода на прирост капитала, на инновации и инвестиции.

Государство по отношению к свободному субъекту выступает как источник необходимости, принуждения и зависимости. В это своём качестве оно охраняет право собственности, регулирует свободу, фильтрует и ограничивает инновации. Взаимодействие субъектов и государства обеспечивает обществу живой развивающийся порядок. Здесь мы находим ответ на вопрос, почему государство вынуждено поддерживать и защищать свободу (субъектов, граждан, фирм и т. д.). К этому его вынуждает потребность в порядке. Живой порядок может быть либо развивающимся, либо угасающим. Государство должно создать не свободу, а правила как всеобщие институциональные координаты свободы.